

**ЮРИЙ
ПРОКОФЬЕВ**

**КАК
УБИВАЛИ ПАРТИЮ**

**ПОКАЗАНИЯ
ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ
МГК КПСС**

Суд истории

Юрий Прокофьев

**Как убивали партию. Показания
Первого Секретаря МГК КПСС**

«Алисторус»

2011

Прокофьев Ю. А.

Как убивали партию. Показания Первого Секретаря МГК КПСС /
Ю. А. Прокофьев — «Алисторус», 2011 — (Суд истории)

Юрий Анатольевич Прокофьев – член Политбюро ЦК КПСС (1990– 1991), Первый Секретарь Московского городского комитета КПСС (1989– 1991) – входил в так называемую номенклатуру, но не пошел за Горбачевым и Ельциным, до конца защищая партию и идеалы социализма. По мнению Ю.А. Прокофьева, КПСС была крепкой и жизнеспособной организацией, ее поддерживали миллионы советских граждан, чьи интересы она защищала. Если бы не предательство высшего руководства партии, прежде всего М. Горбачева, КПСС могла бы выстоять в борьбе с «демократами» и сохранить СССР. В книге впервые приводятся многие неизвестные подробности о ликвидации СССР и КПСС руками самой партийной верхушки.

© Прокофьев Ю. А., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Вместо предисловия	5
Вступление	7
Как «ушли» В.В. Гришина	8
Под руководством Ельцина	13
Мое выдвижение. Почему Горбачев был против?	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Юрий Прокофьев

Как убивали партию. Показания Первого Секретаря МГК КПСС

Вместо предисловия

Сегодня стало модным чернить прошлое. Видимо, потому, что в нынешней российской жизни особо хвалиться нечем. Находятся ловкачи, пытающиеся переписать историю.

Получается так, что у нас вроде и нет прошлого. Все будто началось с «колбасной революции» 1991 года. Даже Вторую мировую войну вроде бы выиграли без нас американцы и англичане. Ничего у нас нет за спиной. Пустота. Порвалась связь времен.

Разрушается не только экономика, но и культура, наша память, наша история. Делается это сознательно, чтобы на Руси остались одни Иваны, не помнящие родства.

На мой взгляд, некоторые негативные явления в нашем обществе принимают характер национального бедствия. Прежде всего это коррупция. Сейчас много и справедливо говорят и пишут о коррупционности московских властей, в первую очередь мэра Лужкова, который восемнадцать лет был полным хозяином города, в центре внимания СМИ и его жена. Примеры приводятся ужасающие.

Но ведь это стало возможным не в одночасье! Ездят ведь по Москве и президент, и премьер, и разве они не видели, как год за годом уродуется Москва? Как все сложнее и сложнее становится жить в ней простому человеку? И почему закрывали глаза на то, какими методами обогащается Батурина? Не могу поверить, что спецслужбы об этом не докладывали, ведь речь идет не о простом предпринимателе, а о тандеме, одной из составляющих которого является мэр столицы России. Видимо, есть еще какая-то подоплека, послужившая поводом для отставки Лужкова. Дай бог, чтобы я ошибался. Но в свою ошибку я поверю только в том случае, если вслед за Лужковым будут освобождены и другие высокопоставленные чиновники, замеченные в коррупции.

Почему ставлю на первый план коррупцию? Да потому, что коррупция и то, что в стране практически нет настоящих хозяев, пекущихся в первую очередь не о своем благосостоянии, а о стране, народе, определяют все наши беды.

Везде так называемые «успешные менеджеры», главной заботой которых является минимизация расходов и максимизация прибыли, причем не в последнюю очередь своей.

В высшем руководстве страны практически нет профессионалов, вот и руководит сельским хозяйством человек, большую часть жизни проработавший медиком, а здравоохранением – финансист.

О неспособности власти предвидеть и предотвращать бедствия, подобные трагедиям жаркого лета 2010 года, говорит беспомощность и безразличие, проявленные в этой ситуации многими властью предержащими.

О какой заботе о народе можно говорить, если в кризисные 2008–2009 годы число долларовых миллиардеров в России выросло вдвое, в то время как по европейским стандартам пятнадцать процентов населения нашей страны – это нищие и еще семьдесят пять – бедные.

Нельзя не сказать и о следующем. Вызывает беспокойство факт определенного заигрывания с США, разговоры о возможности вступления России в НАТО, вера в то, что «заграница нам поможет».

Не напоминает ли поведение нашего руководства в какой-то степени поведение Горбачева, под сладкую музыку Запада угробившего великую державу?

Тогда развалился Союз, сейчас может распасться Россия.

Я не придерживаюсь взгляда людей, считающих «что история учит тому, что ничему не учит». Надо хорошо знать свое прошлое, чтобы правильно оценивать настоящее и видеть будущее.

Хочу надеяться, что моя книга поможет в этом ее читателю.

Ю. Прокофьев

Москва, октябрь 2010 года.

Вступление

Последний первый секретарь

Было это через год после событий девяносто первого. Один историк, очень вежливый и очень настойчивый, просил меня о встрече. Хотел, чтобы я рассказал: испугался ли, когда стал безработным, не собирался ли паче чаянья наложить на себя руки? Ведь было мне в ту пору пятьдесят с лишним лет.

Я отказался от встречи. Тогда время для таких бесед еще не созрело. Да и поймут ли там, в Стране восходящего солнца (историк был японцем) нашу российскую грусть? Он изучал жизнь самураев и, как выяснилось, хотел сравнить поведение в критических ситуациях самураев и функционеров КПСС после запрета коммунистической партии.

Моменту, когда я очутился не у дел, предшествовали столь грандиозные события, происходившие в стране, что мое собственное положение не представлялось чрезмерно драматичным.

Правда, прошедший год не был для меня безмятежным: бесконечные допросы, обыски дома и в рабочем кабинете, необходимость информировать обо всех моих выездах из Москвы.

Но вот я свободен... Сняты все обвинения и обязательства. Новые знакомые спрашивают осторожно: «Так это вы – последний секретарь?» – «Да, я. Последний первый секретарь Московского горкома партии»...

Мысль написать непредвзято о прошлом возникла у меня несколько позже. Думал, это надо сделать по свежим следам, пока еще душа сохраняет эмоции того времени. Но поток мемуарной литературы, обрушившийся на читателей после 1991 года, остановил меня. Уж очень она была далека от правды, слишком насыщена стремлением обелить себя и очернить других.

В воспоминаниях таких авторов я предстаю по-разному. Чего стоит, например, вранье Гавриила Попова в его так называемых исторических хрониках (видимо, Шекспир наваял)! В этом сочинении я выгляжу неким inferнальным персонажем. Прямо Ричард III, только не хромым и не горбатым. По его версии, всякий разговор по телефону с руководством мэрии я всегда заканчивал словами: «Вы об этом пожалеете. И очень скоро». Передергивать Г. Попов всегда умел. Мастер!

Зачастую писали люди, которые не были непосредственными участниками событий и, как правило, искажали их суть.

Я понял также, что без исследования достаточно широкой полосы жизни нашего общества, анализа прошлой деятельности Коммунистической партии трудно объективно оценить события конца восьмидесятых – начала девяностых годов прошлого века, разобраться в них.

Мне повезло. Во второй половине 1996 года мной заинтересовались в РЦХДНИ – Российском центре хранения документов новейшей истории (ныне Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ). Я безмерно благодарен сотруднице архива Галине Андреевне Юдиной, которая из месяца в месяц четыре года вела записи бесед со мной, позволившие мне непредвзято, как мне кажется, рассказать о себе, о моей партийной и советской работе, более четко определить свое отношение к людям и событиям, участником которых я был.

Как «ушли» В.В. Гришина

Я работал в горкоме партии при трех первых секретарях Московского горкома КПСС – Гришине, Ельцине и Зайкове.

Вначале расскажу о Викторе Васильевиче Гришине. Он пришел первым секретарем Московского горкома партии в 1967 году, а я в марте 1968 года – инструктором горкома.

История все расставит на свои места. Очень многое из того, что делалось после ухода Гришина, запланировано при нем. И реконструкция Московской кольцевой дороги, и реконструкция центра города. Практически тогда приступили к работам на Сретенке, но все провалилось из-за перемены ситуации в стране.

При нем было запланировано и строительство Северной ТЭЦ. Как бы ни боролись против нее, все равно она нужна, чтобы обеспечить теплом огромную часть города.

С чего начал Гришин? Наверное, с того, что ему было ближе по ВЦСПС, – с создания плодовоовощных баз в Москве и зон отдыха. Он на это мобилизовал весь аппарат.

Виктор Васильевич был очень жесткий, требовательный. Может быть, даже чрезмерно жесток и требователен по отношению к людям. Работал много: где-то с восьми утра до десяти вечера.

Он никогда не работал на публику. Всячески пытался принизить свою роль в публикациях о нем, описаниях каких-то достижений. Я думаю, поэтому он и работал в Политбюро более 20 лет. Никогда не выдвигался на передний план, всегда старался быть в тени. Мудрый был человек.

Но по отношению к партийному аппарату был, повторяю, очень жесткий, очень требовательный. Представление об этом может дать такой эпизод.

Как-то заведующий орготделом МГК, бывший первый секретарь райкома Сергей Михайлович Коломин в восторге сказал: «Вы знаете, как нами доволен Виктор Васильевич? Он даже впервые назвал меня по имени и отчеству».

Обычно же Гришин первое время обращался к сотруднику только по фамилии.

Помню, я работал заместителем заведующего орготделом, Виктор Васильевич болел – инфаркт. Готовился пленум горкома партии, и я принимал участие в написании доклада. Как-то утром зашел в лифт вместе с помощником Гришина Новожиловым и по наивности спросил: «Как здоровье Виктора Васильевича?» А он мне так сурово-подозрительно: «А почему вас это должно интересовать? Вы только зам. зав. отделом...» Я стушевался: «Готовлю пленум. Меня это интересует по деловым соображениям», – хотел я неумело выкрутиться. – «Тем более не должно вас это интересовать», – отрезал Новожилов и вышел. Я остался в лифте как оплеванный...

Другой пример. Должен был приехать Янош Кадар. Тогда вообще организовывались пышные встречи, а тут особый случай: у венгерского руководителя с Брежневым были не очень хорошие отношения, поэтому Леонид Ильич позвонил Гришину и попросил, чтобы встреча состоялась как можно масштабнее и торжественнее.

Как отвечающему в горкоме за массовые мероприятия, мне тогда пришлось все это организовывать и докладывать Гришину. Присутствовали и секретари горкома партии, начальники Управления внутренних дел, КГБ. Во время доклада рядом со мной сидел Леонид Иванович Греков, второй секретарь горкома. Я так волновался, что, когда к Гришину повернулся, заехал Грекову локтем в голову.

Кончилось совещание, меня отпустили, а Греков еще задержался в кабинете – что-то там обсуждали. Я потом звоню ему: «Леонид Иванович, извините, пожалуйста, что задел вас. Я так волновался...» А он мне: «Ты один раз, а я каждый день иду к нему с таким чувством».

Это не было рисовкой со стороны Грекова. Он человек способный, энергичный, сам – жесткий и властолюбивый.

Вот такой была атмосфера, в которой приходилось работать людям – от инструктора до секретаря горкома. А это было ой-ой-ой какое расстояние! Никакого товарищеского братства, товарищеского общения не было – жесткая дисциплина, строгая иерархия.

Гришина и министры боялись, не только рядовые работники горкома партии! Может быть, это плохо, но, во всяком случае, шло на пользу дела в Москве.

* * *

Однако об одной стороне его работы как руководителя я был невысокого мнения. Конечно, чтобы «удержаться в ситуации», в Политбюро – все он делал правильно. Но при нем было (может быть, сознательно, может быть, нет) очень большое количество заседаний, совещаний с длительными, нудными докладами. Причем, если с докладом выступал другой секретарь горкома, Виктор Васильевич выступал с заключением, которое было равно докладу и практически повторяло его содержание.

Как-то собрал нас второй секретарь Греков и заявил, что надо оживлять работу. Я ему предложил сократить число всяких заседаний и совещаний, дать людям возможность практически работать.

Греков вздохнул:

– Ну иди и скажи об этом Гришину.

Я спрашиваю:

– А в чем дело?

– Да я пытался, но Виктор Васильевич убежден, что чем активнее и больше работает бюро горкома, тем активнее работают все.

Я считаю, это было большой ошибкой. От огромного количества заседаний положение дел, естественно, не улучшалось. Нужна была практическая работа.

Думаю, он это делал, чтобы показать, как напряженно работает партийное руководство города: каждую неделю заседало бюро, проводилось заседание секретариата горкома. Ко всем заседаниям приходилось готовить документы, материалы и справки. Бюрократии было много.

Если говорить еще об одном недостатке, который, на мой взгляд, очень серьезно сказался на Москве, то надо отметить его нелюбовь к кадровым перемещениям. Первые секретари райкомов работали по 10–12 лет. Может быть, такую стабильность можно объяснить тем, что это были его выдвиженцы: он к ним привыкал, им доверял. Я же на личном опыте убедился, что шесть лет – предел работы на этой должности.

Но было и много хорошего в том же кадровом вопросе. У Гришина был свой особый подход к кадрам, особая метода проверки сотрудника, к которому он присматривался и с которым собирался работать.

Когда я был только секретарем райкома партии, прежде чем предложить мне стать зав. отделом, Гришин взял меня с собой в командировку в Югославию. Мы были там неделю, и он имел возможность практически наблюдать, как я веду себя на встречах, приемах, в общении с людьми и т.д. И лишь после этого принял окончательное решение. Тоже, в общем-то, хорошая проверка кадров: не только по работе, но и в быту, и в такой достаточно сложной ситуации.

Но в Югославии я был поражен другим: Гришин выступал без бумажки, в лучшем случае – по тезисам! В Москве же все доклады и выступления – лишь строго по заранее подготовленному тексту, который ему писали помощники. Я думаю, это происходило потому, что все руководство партии, и прежде всего Брежнев, выступало только по написанному тексту и Гришин не хотел выделяться.

В Югославии (я сам в этом убедился!) даже в такой ответственной аудитории, какой была встреча с активом в Белграде, при достаточно большом количестве людей он выступал без шпаргалки, свободно, раскованно. Тезисы у него были, но он, казалось, о них забыл. То же и на небольших встречах – на заводах, в парткомах выступал с «белого листа», причем аргументированно, интересно, живо, и это звучало намного убедительнее, чем в его московских речах.

В последние годы работы в горкоме Гришин сильно изменился. Он стал больше доверять людям, вероятно потому, что почти все, кто работал с ним, были выдвинуты Виктором Васильевичем, или при его участии, или с его согласия.

Да и возраст, конечно, сказался. Некоторые люди с годами становятся более раздражительными, а он, наоборот, помягчал. Может быть, внуки сыграли в этом свою роль...

* * *

Всякое бывало за время работы в горкоме. Были и интриги, и довольно серьезные. Например, первая половина работы в горкоме у меня была спокойная, если вообще работу там можно назвать спокойной. А потом началась травля Гришина, нажим на него. Хотя я знаю, что именно по распоряжению самого Виктора Васильевича, еще при Андропове, КГБ и Управление МВД серьезно занялись проверкой торговли в Москве. Большинство хищений были вскрыты московскими, а не центральными правоохранительными органами. Тем не менее Гришина стали обвинять в коррумпированности, в поддержке торгашей.

Тогда был арестован управляющий Главторгом Москвы Трегубов. Я до сих пор не уверен в его виновности, потому что ни денег, ни доказательств не нашли. Подарки получал, это так. Время было жестокое. Помню, как посадили заведующую райторготделом Гагаринского района. Дали восемь лет, потом, правда, скостили. Она призналась, что получила подарки на день рождения – флакон духов «Красная Москва» и коробку конфет. А потом и подписалась, что получила эти подарки. Ее посадили за «взяточничество». Тогда сажали и тех, кто был действительно виновен, и тех, кто брал всего лишь подарки.

Я думаю, Трегубов понадобился как фигура, которая могла бы дискредитировать Гришина. Какой-нибудь директор универмага для этой роли явно не годился. А вот глава всей торговли города, депутат Верховного совета, член горкома партии, награжденный шестью или семью орденами (!), он много лет проработал в московской торговле, вот такая фигура могла скомпрометировать и первого секретаря горкома партии.

Трегубова не реабилитировали. Он вышел через 12 лет. У него дома нашли драгоценности на 12–15 тысяч рублей. Для человека, который всю жизнь проработал не просто в торговле, а на руководящих должностях и получал большую зарплату как начальник главка Мосгорисполкома, это не так много.

Конечно, в известной степени Трегубов был виноват, потому что воровство в торговле имело место. Особенно там, где был дефицит. Трегубов же был руководителем, и оправдаться ему трудно...

Проблем с торговлей у райкомов партии, горкома вообще было много. Сама экономическая ситуация порождала там негативные явления. К тому же работа не престижная. Особо народ туда не шел. Ну а тех, кто соглашался идти в торговлю по комсомольскому набору и работал честно, сажали сами работники торговли.

Скажем, ты директор маленького магазина и не ворует. Не делишься. Тебе на ночь привозят котлеты. Заметьте, летним вечером, когда на улице 30 градусов жары, а у тебя нет холодильной камеры. Продать их ты не можешь. Отказаться не имеешь права, так как тебе их привезли по разнарядке. Ты доказываешь, что хранить их негде, просишь привезти утром. Все впустую, спорить бесполезно.

Котлеты за ночь протухли. Человек должен за протухшие котлеты заплатить из своего кармана, а большинство из своего кармана достать ничего не могли. Тогда человек начинает изобретать какие-то «усушки, утруски».

На этом «виновного» накрывали и отправляли в места не столь отдаленные. Так, например, поступили с двумя комсомольцами, которых мы направляли на работу в торговлю. Спассти их было просто невозможно, ибо имелись налицо документально подтвержденные «факты обмана государства». Хотя всем было ясно, что их просто «подставили».

Строительство – тоже опасное дело. Как, например, окончательно «ушли» Гришина? Сначала обвинения шли по торговле, потом в «Советской России» появилась большая статья о недостатках строительства в Москве. Речь шла о приписках и воровстве. Приписки действительно были. Сдавали дома, к сожалению, не полностью достроенные. Конечно, не без крыш, как писали для красного словца, – такого не было. Но недоделки случались, даже лифты иногда не работали.

Статья была явно направлена против Виктора Васильевича Гришина. Он вернулся из отпуска, собрал несколько человек посоветоваться: что делать. Вздохнул: «Я вижу, что идет нажим на меня. Боюсь, это отразится на городской партийной организации. Может быть, мне уйти самому?»

Потом он со мной отдельно разговаривал, высказывал свои сомнения. Но мы оба, понимая, что пришлют кого-то чужого, не москвича, сочли его уход нецелесообразным. Решили, что надо бороться и доказывать свою правоту. Гришин в отставку не подал. Тогда Горбачев сам его вызвал и предложил «уйти на покой».

Последние годы жизни Виктор Васильевич Гришин очень нуждался. Он умер в собесе при оформлении пенсии. Факты эти общеизвестны...

* * *

Был в ходу лозунг «Партия – наш рулевой». Красивая, громкая и не совсем точная фраза. Чего рулить? Работать надо. Партия в те времена – орган управления государством, структура управления. Развалили партию, сломали структуру.

Чем, к примеру, занимался первый секретарь горкома партии? Помимо идеологии – чисто хозяйственными делами. Вопросы строительства в Москве, обеспечения теплом, водоснабжения, торговли – ничто не должно было уходить от его внимания. Он нес ответственность за выполнение городскими промышленными, научными, транспортными организациями народнохозяйственных планов. Он отвечал за нормальную жизнь людей города.

Все планы развития метрополитена, строительства транспортных развязок в городе, реконструкции вокзалов, строительства новых типов детских садов с бассейнами, школ нового образца обсуждались и утверждались именно у первого секретаря горкома. Кстати, строительство Крылатского началось полностью под контролем Гришина. Это его детище – экспериментальный район, опыт которого он собирался потом распространить на всю Москву.

Точно так же было, когда пришел Ельцин. Но с меньшим успехом, поскольку он большое внимание уделял чисто театральным приемам для личной популяризации. Причем делал это классически ловко, надо отдать ему в этом должное.

Был такой случай. Борис Николаевич обещал посетить предприятия торговли и общественного питания. Есть на Профсоюзной улице ряд домов Совмина, которые в народе метко окрестили «Царским селом» или «Ондатровым заповедником». А рядом стояли первые пятиэтажки, которые стали ветхими и пришли в негодность. И вот во дворе одной из этих пятиэтажек открыли кооперативное кафе. К приезду Ельцина там все вымыли, вычистили, поставили кругом охрану, ГАИ. Жители пятиэтажек поняли, что приедет какой-то большой начальник.

Когда Ельцин подъехал, его, вместо осмотра этого кафе, буквально схватили за полу пиджака и повели по подвалам, чердакам и квартирам, где жить уже было невозможно.

Как Ельцин обыграл этот факт? Всю ночь они вместе с Полтораниным писали статью в «Московскую правду». Она была опубликована на следующий день. Смысл статьи был такой: какой замечательный у нас первый секретарь горкома партии! Он не побоялся приехать в район пятиэтажек, он прошел с жителями по чердакам и подвалам. То есть довольно-таки неловкую ситуацию превратили в победу. И тут же раздавались наказания – снимались с работы, и тут же намечались планы. Большой такой разворот был с восхвалениями Ельцину за эту поездку. Но я ведь точно знал, что планировалась не экскурсия по пятиэтажкам, а осмотр кооперативного кафе!..

Под руководством Ельцина

Ельцин пришел работать в Московский горком партии в конце 1985 года. Впервые я увидел его на пленуме, где он избирался. Там Ельцин просто поздоровался со мной. Он держался очень скованно, напряженно, вероятно, думал, что его московская организация не избежит своим секретарем: ведь он не был членом горкома. Но избрали единогласно. Это тогда было в порядке вещей: кого рекомендует Политбюро ЦК, того и избирали секретарем горкома.

Ельцин приступил к работе. Три дня он не имел со мной никакого общения, хотя заведующий орготделом МГК – не последнее лицо в организации.

На четвертый день утром раздается телефонный звонок: «Прокофьев, почему люди приходят так поздно на работу?» Звонок был где-то без четверти десять – половина десятого. Я говорю: «Борис Николаевич, а рабочий день еще не начался». – «Как так «не начался»?» Я объяснил, что в свое время Хрущев распорядился, чтобы горком начинал работу с десяти утра, с тем чтобы вечером члены горкома работали подольше и могли принимать население. Но я всегда приезжал к девяти, чтобы познакомиться с письмами, подготовить дела.

Ельцин был недоволен таким положением и добился, чтобы работу начинать в девять часов утра, и мы стали работать с девяти. Такое было у меня с ним первое деловое знакомство.

Через некоторое время опять звонок по телефону с замечаниями – не помню, по какому поводу. И тогда я ему сказал: «Борис Николаевич, вы можете предъявлять ко мне претензии только в том случае, если выскажете свои требования. Я работник аппарата. Моя задача: работать на первых секретарей горкома партии. Я знаком с требованиями руководства. Насколько я знаю, эти требования удовлетворяю. Скажите свои требования, и тогда можете предъявлять мне свои претензии».

В то время он такие разговоры воспринимал нормально, и если с ним говорили откровенно, то и воспринимал это более позитивно, чем когда хитрили, изворачивались: он, как дикий зверь, чувствовал неточность, не ту тональность и был всегда настороже. Даже если медлишь с ответом, он сразу: «А что ты так долго думаешь?» Бывало, отвечал: «Борис Николаевич, лучше дать точный ответ, чем непродуманный». Если на его вопрос, кого назначить на тот или иной пост, называешь фамилию сразу, на следующий же день человека назначают. Если говоришь, что надо подумать, думать начинает он сам: назначать или нет. Так мы с ним работали.

Предстояла городская партийная конференция. Готовили ее в жестких условиях: с восьми утра до часу-двух ночи. Часто приходилось работать вместе с ним. Потом перешли на нормальный режим работы. Словом, понимание было.

Однако в середине февраля 1986 года состоялся неприятный разговор: он обвинил меня в мягкотелости по отношению к кадрам и сказал, что надо более активно проводить замену московских работников. Я ответил, что могу быть жестким, но жестоким не был и никогда не буду. Он стал оправдываться, говорил, что он тоже не жестокий человек. Окончилось тем, что, когда начали разбираться с кандидатурами на заместителя председателя исполкома, секретаря исполкома и другими, на все кандидатуры, предложенные мной, он согласился, а по секретарю уперся, говоря: «Вот видишь, не дорабатываешь, нет у тебя кандидатуры». Тогда я сказал: «Ну давайте я пойду туда!» Он обещал подумать.

Через два дня, 20 февраля, у меня был день рождения. Мы сидели в семейном кругу. Позвонил Ельцин, поздравил и сказал: «Я подумал и, видимо, отпущу тебя на работу в Московский Совет, тем более что там нужно партийное влияние: Сайкин пришел с завода, партийного опыта у него нет никакого».

Этот разговор состоялся в пятницу. А в понедельник на совещании секретарей горкома Ельцин объявил, что будет рекомендовать меня на переход в Моссовет.

Вот так я и стал секретарем исполкома Моссовета. Это была, я считаю, первая властная ступенька в моей деятельности – я стал комиссаром при Валерии Тимофеевиче Сайкине. Он был очень неплохой хозяйственник, но не знал ни структуры городского хозяйства, ни порядка работы в партийных и советских органах. Мне приходилось ему помогать, и я думаю, что не погрешу, если скажу, что мы с ним достаточно дружно трудились.

* * *

Ельцина модно сейчас ругать. Но я постараюсь быть объективным. Что мне тогда в нем нравилось? У него была очень цепкая память, он все цифры, фамилии, факты запоминал быстро, держал в памяти, анализировал и всегда этим пользовался. Подчас сознательно подставляя человека под удар.

Например, назначал человека и тут же начинал его экзаменовать, гонять по цифрам. Он-то эти цифры уже знал наизусть, а человек за две недели не успевал все изучить и попадал в тяжелое положение, которое подчас заканчивалось его снятием.

Ельцин хорошо улавливал настроение аудитории и умел быстро перестроиться по ходу выступления. Если понимал, что аудитория его не поддерживает, тут же менял ход мыслей. Он улавливал настроение, я еще раз повторюсь, каким-то звериным чутьем, и я думаю, что он больше и действовал на уровне чутья, чем каких-то расчетов и знаний.

Еще, что было характерно для него в то время – он не страшился авторитетов. В то время, как мне казалось, принимая какие-либо решения, а он мог принять и неординарные решения, Ельцин не считался с тем, кто и как на это посмотрит «сверху». Он искал и находил выходы из ситуаций, которые обычным, накатанным путем нельзя было решить. На это он действительно был способен. Вот это, по моему мнению, было в нем положительным.

Но меня многое в нем корбило. Ему важно было – и это видно было невооруженным глазом! – всеобщее восхваление, благоговение перед ним. Это уже в то время проявилось достаточно четко. Отдельного человека он не видел. Отдельные люди его не интересовали. Их судьбы, хороший ли, плохой человек, его не трогали. Он спокойно перешагивал через них и шел дальше.

Это имело отношение не только к партийному активу, хозяйственникам, но и к тем письмам, жалобам и заявлениям, которые шли к нему от простых людей. Ельцина это практически не интересовало. А вот завладеть вниманием масс, эффектно выступить, чтобы об этом потом пошла широкая молва, было для него самым важным. С самого начала он использовал популизм как средство для укрепления своего авторитета. Вот это я считаю для партийного руководителя, для политика в моем понимании – резко отрицательным качеством.

Я мог бы продемонстрировать на отдельных примерах, как он обращался с партийными кадрами. Тогда многих надо было действительно заменять. Но люди не были виноваты, что их выдвинули руководителями и они занимают не свое место. Ельцин же их обвинял в том, что они сознательно вредили, называл врагами перестройки. И все это достаточно громогласно.

Был такой случай с секретарем Ленинградского райкома партии Шахмановым: Ельцин поставил вопрос о его освобождении от работы, а райком не освободил. Все работники горкома были брошены в район – собирать компрометирующие материалы на Шахманова, для того чтобы убедить директоров, сломать их. И опять райком не освободил Шахманова.

Тогда Ельцин пошел на таран – Бюро МГК партии, под его нажимом, объявило, что пленум Ленинградского райкома партии «еще не созрел, чтобы принимать самостоятельные решения», и поэтому Бюро МГК партии своей волей освобождает Шахманова от занимаемой должности.

Примерно такая же история случилась с Графовым, секретарем Тимирязевского райкома партии. Он был неплохой хозяйственник, а как секретарь райкома ни в политике, ни в

кадрах не разбирался. Потом Графов работал заведующим бюро технической инвентаризации города и неплохо справлялся. Каждому человеку нужно быть на своем месте. Но дело преподнесли таким образом, что человек якобы сознательно вредил перестроечным моментам, и с этой мотивировкой его освобождали от работы.

Еще что было характерно для Ельцина: когда он врал, то верил в свою ложь. В этом была разница между ним и Горбачевым. Тот врал сознательно. Ельцин же, если лгал, то с глубоким убеждением, что говорит правду. И поэтому аудитория ему верила. Когда он заявлял, что «ляжет на рельсы», это была не просто фраза – в тот момент он и сам был, видимо, убежден, что так сделает, и эта вера внушалась аудитории. В этом был успех его выступлений на митингах. Вера в свою ложь порождала сопричастность окружающих.

* * *

В московской городской партийной организации, как и во всей стране, люди ждали и хотели перемен. Поэтому приход Ельцина с его достаточно четкими позициями, с его резкой оценкой существующего положения в стране, с предложениями по изменению ситуации, по видению дальнейшего развития страны, Москвы – был воспринят с симпатией. Другое дело, что сделать это было невозможно: построить можно только то и в том объеме, на что есть деньги. Но его обещания вселяли надежду.

Люди верили, что в Москве будут перемены, а Москва, в свою очередь, станет влиять на страну. Поэтому конференция московской партийной организации, когда Ельцина уже избирали в состав горкома партии и избирали на съезд делегатом, проголосовала за него единогласно. А ведь в зале сидели человек 15–18 из тех, кого он снял с работы!

Я сказал ему тогда: «Борис Николаевич, вы видите зрелость московской партийной организации? Сидит тот же Болотин, еще люди, которых освободили от работы, тот же Роганов – они все равно проголосовали за вас, потому что верят в необходимость изменения ситуации в стране, верят в вас. Поэтому вы только должны опереться на городскую партийную организацию, и все будет нормально».

Но Ельцин пошел по другому, характерному для него пути: он был не созидатель, а человек, который все разрушает только для того, чтобы самому возвыситься над теми, кого он приносил, ставил на колени. И он все время находился в состоянии борьбы.

До самого конца пребывания у власти он не менял своих методов: Коржакова снял, Барсукова выгнал. Да и когда он был секретарем обкома партии в Свердловске, то за десять лет сменил четыре (!) состава бюро, исполкома Совета. И в Москве работал так же. А перед народом выступал как борец за его права.

Например, назначил он одного человека начальником Главного управления торговли и на заседании партийной группы Моссовета предложил: в течение двух недель наладить торговлю в Москве. Проголосовали, хотя каждому было ясно, что за такой срок эта работа невыполнима.

Через две недели, естественно, положение дел оставалось прежним. Бюро горкома принимает постановление о снятии этого человека с работы как «не справившегося» и как «не оправдавшего доверия партийной группы Моссовета». Все это печатается крупным шрифтом в «Московской правде», и население воспринимает это как борьбу Ельцина за его интересы.

В экономике Ельцин совершенно не разбирался. Почему я это заметил? В течение восьми лет я работал секретарем райкома партии и курировал промышленность и строительство. Кроме того, я кандидат экономических наук, и мне было понятно, каков уровень его знаний. Цифры он хорошо знал, а в экономических процессах разбирался слабо, даже не на уровне первокурсника. Знал, может быть, производительность труда, но не больше.

Кстати, этим страдал и Горбачев. Ну, скажем, такой пример. В начале 1991 года он вдруг заявляет: «Юрий, ты знаешь, вот все говорят: рынок, рынок, разгосударствление предприятий.

Ведь, оказывается, во Франции, в Финляндии большинство предприятий являются государственными!»

Я говорю: «Михаил Сергеевич, а вы что, не знали?» И называю: во Франции 30% государственных предприятий. Крупнейшее предприятие «Рено» – государственное. Есть даже такая поговорка: «Как живет «Рено», так живет и Франция».

Привел еще сведения: в Финляндии – 35%, в Австрии – 40% государственных предприятий. И земля в большей части европейских государств не является частной собственностью. Назвал ему данные по Голландии, Израилю.

У меня сложилось впечатление, что Горбачев не просто подыгрывал мне, хотя подобное у него бывало довольно часто. Он искренне удивился новому для себя знанию. Он этого просто не знал...

* * *

Вернемся к Ельцину. Я все думаю: почему Лигачев, видя методы Бориса Николаевича в Свердловске, так усиленно рекомендовал его в Москву? У Егора Кузьмича зачастую возникала странная симпатия к людям, которые этого не заслуживали, и этих людей он начинал двигать. В Томске была даже такая поговорка: «Вот идет ходячая ошибка Лигачева». Это говорили подчас люди, которые никакого отношения к политике не имели.

Заместитель заведующего орготделом ЦК КПСС Евгений Зотович Разумов, мудрый человек, который проработал много лет, решая кадровые вопросы, трижды выступал против предложения Лигачева по Ельцину: и когда того предлагали секретарем Московского горкома, и когда – секретарем ЦК.

Я знаю, по крайней мере, три «ходячие ошибки» Лигачева: Ельцина – его выдвиженца, Травкина он предложил и Коротича в «Огонек» посадил. Вот почему я отношусь к Егору Кузьмичу неоднозначно.

В этой связи хочу привести пример по Москве. Я работаю в Московском Совете. Лигачев как секретарь ЦК курирует идеологию. Наши строительные, проектные организации срочно планируют типографии, находятся площадки, средства. Сайкин ругается матерно: у Москвы нет денег на это. Но Лигачев «давит», и средства находятся. Развертывается строительство в Чертанове и в других местах, начинает строиться комплекс «Московской правды».

Потом ко мне приходит Ресин, начальник Главмосстроя, и говорит: «Юрий Анатольевич, я больше типографии строить не буду. Я переключаюсь на строительство предприятий пищевой промышленности». – «В чем дело? Почему?» – «Вы что, газет не читаете? Лигачева с идеологии на сельское хозяйство перевели. Теперь будет давить, чтобы строились пищевые предприятия».

И действительно, Егор Кузьмич забыл про типографии – строились, не строились – и начал «душить» строителей и Сайкина совершенствованием и реконструкцией предприятий пищевой промышленности.

Такое впечатление, что он даже в столбик не считал, из чего складывается бюджет города и откуда берутся средства. Он «курирует», у него есть власть, и он давит, чтобы это направление развивалось.

Вероятно, я отношусь к Лигачеву предвзято, но уверен, что он довольно-таки большой вред нанес: ведь Егор Кузьмич выдвигал и Горбачева. Если бы не его поддержка, вряд ли бы так гладко прошло избрание Михаила Сергеевича. И обработку всех секретарей обкомов в его пользу проводил тоже Лигачев.

Чем же отплатил ему Горбачев? Егор Кузьмич выступает на Политбюро со своим мнением, тот его вполуха слушает, а потом говорит: «А, Егор, у тебя всегда своя точка зрения.

Высказался и сиди». И тот садился. Никакого развития дальше его предложения не получали. Горбачев знал, с кем имел дело.

* * *

Действия Ельцина в качестве первого секретаря МГК партии вызвали, в конце концов, резко негативное к нему отношение. Терпение коммунистов Москвы лопнуло.

Это почувствовал и сам Ельцин. 12 сентября 1987 года он написал письмо Горбачеву с просьбой освободить его от занимаемой должности.

Горбачев отказался принять Ельцина, и тогда тот предпринял попытку самоубийства: ножницами, которыми режут бумагу, он пырнул себя.

Вопрос о снятии Ельцина решался 11 ноября того же 1987 года на пленуме Московского горкома партии и стал неожиданностью для самого Михаила Сергеевича, настолько резко отрицательно выступали члены горкома против Ельцина. Мнение было почти единодушным. Только ректор МВТУ Елисеев оказался в оппозиции.

Это единодушие стало неожиданностью и для самого Ельцина. Он, ошеломленный, весь почернел и уже не мог ничего говорить...

Ельцин был снят с поста первого секретаря МГК, а позже, 17 февраля 1988 года, выведен из состава Политбюро ЦК КПСС.

Горбачев предложил ему пост заместителя председателя Госстроя, и Ельцин сразу же согласился.

Мое выдвижение. Почему Горбачев был против?

Первым секретарем МГК стал Лев Николаевич Зайков. Очень хороший человек и крепкий хозяйственник. Герой Социалистического Труда, он был очень неплохим директором завода в Ленинграде. В Москве, в сущности, тоже работал как хозяйственник.

Зайков успел за короткий срок (до ноября 1989 года) сделать достаточно много для города, по крайней мере, гораздо больше, чем Ельцин, – и по строительству метрополитена, и по реконструкции заводов. Линия метрополитена, что ведет в Митино и Бутово, «пробита» усилиями Льва Николаевича; реконструкция многих предприятий и определенные льготы, которые Совмин дал предприятиям легкой промышленности Москвы, – все это тоже было решено Зайковым.

Но беда в том, что Лев Николаевич Зайков пришел работать первым секретарем горкома партии в Москве уже в тот период, когда назрела необходимость заниматься политическими вопросами. Зайков же уходил от них и истово продолжал заниматься хозяйственными делами.

Дело в том, что Зайков не был оратором. Выступать без бумаг совсем не мог, и речи ему писали помощники. Лев Николаевич боялся незнакомой аудитории. На собрания на предприятия Лев Николаевич посылал меня или других секретарей. Сам же предпочитал ездить по хозяйственным делам.

Он, например, очень боялся встреч с пропагандистами. У него была только одна встреча, и та – в горкоме партии в небольшом зале заседаний пленумов. На подобные встречи пропагандистов, которые могли задавать сложные вопросы, в районах «отсеивали».

Но обстановка в Москве резко накалялась, требовала постоянного реагирования на острые ситуации. Надо было идти на открытые выступления, отвечать на вопросы, подчас самые неприятные. Он этого делать не мог. И не хотел.

И тогда в ЦК появилась проблема: Москве нужен новый первый секретарь горкома партии.

Разумов пригласил меня в ЦК, и я назвал кандидатуры партийцев, которые могли бы заменить Льва Николаевича Зайкова. Кстати, моя точка зрения совпала с предложениями и самого Зайкова: он назвал те же фамилии.

Но когда Горбачев пришел советоваться перед пленумом горкома с секретарями райкомов партии и назвал все эти предложенные кандидатуры, они не были поддержаны. Секретари выдвинули своих кандидатов: либо Лукьянов, либо Примаков, а если Горбачев их не отпустит – тогда Прокофьев.

Горбачев от моей кандидатуры пытался их отговорить, но секретари стояли на своем: хватит нам пришлых! Нужны москвичи или люди, которые хорошо известны стране и долгое время проработали в Москве, по существу стали москвичами. Предложенные же Горбачевым кандидатуры только два-три года проработали в столице на партийной работе. С этим Горбачев и ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.